

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Издательство благодарит
«Литературное бюро Натальи Рубановой»
за помощь в приобретении прав на издание книги.

Кругосветов, Саша.

К84 Драконово семя. Повести и рассказы / Саша Кругосветов. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-158609-6

Среди героев книги — покушавшийся на генсека русский чеченец Хамзат-Виктор, генерал от инфантерии Николай Рузский, авторитетный предприниматель Костя-телевизионщик, путешественник во времени Шарип, юный сатанист Игнат, знаменитый боксер «железный Майк». Все они сталкиваются с проявлениями зла в мире. Одни пытаются противостоять ему, другие теряют себя.

Саша Кругосветов — писатель, лауреат премий фестиваля фантастики «РосКон»: «Алиса-2014», «Золотой РосКон-2019». Финалист премии «Независимой газеты» «Нонконформизм» и Международной литературной премии им. Франца Кафки. Роман «Полёт саранчи» вошёл в лонг-лист премии «Большая книга» (2023).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158609-6

© Текст. Саша Кругосветов, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2024

Предисловие. Мыслящий лев не умрет

Говорят, каждый человек может стать автором книги. Одной. Поскольку жизнь каждого человека интересна и драматична, полна несбывшихся надежд и внезапных поворотов, которые подчас настолько выразительны, что кажутся частью стройного замысла, сродни литературному.

Безусловно, жизнь каждого достойна честной и занимательной книги в жанре автофикшен... Да, да, одной.

Но писатель — это тот, кто способен написать вторую книгу. Как минимум. И чем больше не похожих на себя людей в так называемой реальности он сможет понять или хотя бы захотеть понять, чем больше он тренирует свою проницательность, невозможную без эмпатии, тем пластичней становится его внутреннее вещество и стиль письма, тем дальше он от своего первоначального, шкурного «я», тем большему количеству людей он может оказаться близок и нужен.

Писательство — колоссальная внутренняя работа над собой. Казалось, прорываясь сквозь джунгли, мучимый мошками запятых, ты рубишь себе дорогу мачете и чувствуешь себя новым Хемингуэем. Или в толпе мегаполиса выхватываешь жадным взглядом породистые лица, с болью думающие о том, что происходит вокруг. Ты идешь за такими лицами, почти не обращая внимания на привычный шум города, автомобили и неоновые вывески. И вдруг обнаруживаешь себя в пустынной саванне, погибающим от жажды — жажды уже не смысла, а буквальной. А все живое колеблется, как мираж...

Таков писательский опыт. Такова территория литературы. Такова отважная новая книга человека, пишущего под говорящим псевдонимом Саша Кругосветов.

Отважная, потому что это сборник самых разных рассказов, которые автор писал всю жизнь. Построить из опыта всей своей жизни метатекст — сложная задача. Персонажи, живущие в этих разных рассказах, очень реальны и одновременно почти полуфантастичны: мыслящий старый лев, путешествующий в прошлое сотрудник этнографического музея, подросток-сатанист, которому, к несчастью, удастся его треш-проект, невозможно одаренный боксер, проигравший более слабому, но стойкому противнику. Женщины, женщины, залечивающие и украшающие эту реальность. Мужчины, жертвы медицинских и иных экспериментов...

Объединяет все эти яркие тексты насыщенность авторского психологизма, острота его взгляда. Но и бережность. Подлинная эмпатия. Какая-то грустная нежность — даже к проигравшим и промахнувшимся, как пресловутый Акелла, даже к тем, кто уже в самом финале и пропустил последний удар или что-то важное. Проиграл, но сохранил достоинство. Или не сохранил.

Эта нежная бережность притягивает в острой книге Кругосветова больше всего. То, что писатель свободно ориентируется в культуре, знаком с самыми разными литературными традициями и ментальными системами, а любопытный читатель сразу же почувствует, что перед ним эрудит, узнавший и переживший многое, — приятный бонус. Он повышает насыщенность текста. Читателю интересно.

Все так. Тоска по человеку и тоска по мировой культуре — это и есть необходимые параметры удавшейся книги.

И она перед вами: по-человечески противоречивая, весьма изобретательная, чувственная и брутальная, в меру сентиментальная, умная и атмосферная. Книга-концентрат опыта и предположений, психологии и стиля.

Прочитав ее, выходишь в собственную жизнь немного другим. Ищешь свой мачете, стираешь в машинке пыльный костюм путешественника. И отправляешься в путь. А послевкусие от прочитанной книги все еще длится.

Платон Беседин

Месть ножей

Шарипу было нехорошо, предметы перед глазами размывались иплыли. Переволновался, наверное, — хотел, чтобы не догадались, что он не такой, как все. О речи он не беспокоился. Не зря же с ним занимались лучшие специалисты по кавказским диалектам: теперь он свободно изъяснялся на нескольких северокавказских языках начала двадцатого века. И тем не менее... А вдруг что-то пойдет не так в его поведении, например? Вайнахи — народ пронизательный.

Залег в хьешце — ему потребуется некоторое время, чтобы прийти в себя. Не гостиница, а горе — ветхая турлучная¹ постройка с просвечивающими стенами и плоской крышей. В окне — скошенный камышовый потолок веранды; из соседней комнаты доносится треньканье старинного дечиг-пондара.

Шарип здесь уже неделю, и все это время кто-то часами брэнчал на ореховом пондаре со струнами из высушенных жил животных. Шарип видел иногда соседа, невзрачного, еще довольно молодого кабардинца в недорогом бешмете² и чувяках с потертыми ноговицами³. Звук пондара — мягкий, шелестящий. Что это за музыка? Жалкий лабиринт из десятка звуков довольно

---

¹ Дом, сложенный из шестов, вкопанных в землю, переплетенных лозой или хворостом и обмазанных глиной.

² Верхняя одежда у тюркских народностей в виде кафтана со стоячим воротником.

³ Ноговицы — традиционные сапоги-чулки из фетра, войлока или кожи, плотно облегающие голени и закрывающие колени. Чувяки (распространенная на Кавказе и Кубани кожаная обувь без каблуков) надеваются сверху.

однообразно скручивался в тугую спираль, потом вновь раскручивался — и так без конца.

Наджия, хозяйка гостиницы, в окружении тощих собак рубила на куски тушки куриц для обеда, когда Шарип зашел на кухню за своим обычным утренним хударом — кукурузной кашей с брынзой. Ее дочь Сакина Зезаг, Божественный Цветок, едва начинающий распускаться, — черные глаза, пугливые и озорные, стройный стан — подала гостю большую чашку кофе с кардамоном.

В очаге просторной кухни шипело пламя, потрескивал кизяк, распространяя запах улицы, на высоких наестах сидели куры — жизнь шла своим чередом.

Шарип пожевал гвоздику и медленными глотками стал потягивать кофе, не отводя внимательного взгляда от обеих женщин. Наджия, несмотря на возраст, прекрасно сохранилась. Девочка же, еще немного диковатая, уже задыхалась, похоже, под натиском плоти. Шарип случайно коснулся руки Сакины, когда она подошла, чтобы взять у него пустую чашку. Щеки девушки вспыхнули. Наджия ненавидела всех без исключения мужчин, появляющихся рядом с дочерью. Она показала Шарипу окровавленный нож и, насупившись, заявила:

— Не трогай ее. Пока я жива, тебе не пить из этого источника.

Шарип не нашел подходящих слов. Он подумал о том, что люди здесь живут сложившимся веками укладом. Наджия тем временем одним махом вырвала внутренности курицы и швырнула собакам теплый клубок.

— С каким остервенением ты это делаешь, — сказал он. — Представь: а если б это был человек?!

Хозяйка удивилась тому, что вайнах, с детства привыкший убивать животных, разволновался из-за такой ерунды. «О Магомет! — подумала она в испуге. — Неужели это знамение?» Но в накопившемся раздражении

продолжала бросать собакам потроха только лишь для того, чтобы отравить постояльцу завтрак. Шарип взял тарелку с хударом и ушел в свою комнату.

Залитая утренним солнцем долина казалась гостю почти нереальной, будто пригрезившейся во сне. На горизонте появилась точка, которая увеличивалась в размерах и постепенно превратилась во всадника, скакавшего по направлению к хъещце. Шарип успел заметить папаху, длинную темную бурку, вороного коня и черную бороду джигита. Наездник натянул поводья и перешел с галлопа на рысь. Шарип уже не мог его видеть — он лишь слышал, как тот спешивался, привязывал коня к перилам веранды и твердым шагом входил в дом. В соседнюю комнату, где жил странный кабардинец.

Тот и сейчас играл на пондаре. И продолжал играть, когда в его комнате появился бородатый горец. Не отрывая глаз от струн, будто ища в них разрешение какой-то загадки, кабардинец довольно миролюбиво произнес:

— Приходи свободным, друг¹. Я был уверен, что могу на вас рассчитывать.

— А я — на тебя, собака, — резко ответил незнакомец. — Пришлось ждать несколько дней? У тебя была возможность помолиться за свою жизнь. Но теперь я здесь.

Пондар замолчал. Наступила минута тишины, слышно было только, как Наджия точит ножи на кухне. Наконец кабардинец ответил:

— Я умею ждать, луровелла². Три года ждал, когда ты вернешься из России.

Опять наступила пауза. Всадник заговорил тихо и неторопливо:

---

¹ Принятая на Кавказе форма приветствия.

² Скрывающийся от кровной мести.

— Три года, как мне объявили чир¹, три года, как я не видел детей. — От незнакомца пахло лошадьё и ветром. Он уселся за стол, не спросив разрешения. — Я только от них. Непременно нужно было повидаться с детьми. Зачем им знать, что я спешу на схватку?

— Очень хорошо вас понимаю, — вежливо ответил кабардинец. — Надеюсь, вы оставили их в добром здравии.

Горец громко рассмеялся, достал из полотняной сумки бутылку крепкого полугара и налил в стоявший на столе стакан. Пил с удовольствием, пока не увидел дно.

— В России научился пить вино, — пояснил он. — А детям дал совет: человек не должен проливать кровь другого человека. Что мне стоит дать совет? А детям, может, на пользу пойдет.

Раздался шелестящий аккорд. Кабардинец вздохнул и произнес:

— Да, это вы правильно поступили. Будет хорошо, если дети не станут похожи на нас с вами.

— Хорошо, если они будут не похожи в первую очередь на своего отца, — незнакомец как бы размышлял вслух. — Судьба заставила меня убивать. Вот и сейчас она вновь кладет мне в руку нож. А дети, они ведь вырастут и сами возьмутся за оружие. Абреки растут на нашей земле подобно чертополоху колючему. Тысяча лет пройдет, а люди все равно будут убивать друг друга. Так уж заведено в горах.

Кабардинец, словно ничего не услышав, тихо произнес:

— Осень, совсем короткий день, уже полдень.

— Для разговора с тобой мне хватит света и днем, и вечером, и даже ночью. — В голосе горца слышались

---

¹ Кровная мечь.

нотки усталости. — Отложи пондар. Сыграем в другую игру.

Они встали и вышли из двери хьешцы. Кабардинец что-то бубнил под нос. Незнакомцу показалось, будто тот вспоминал, как ему было трудно в прошлый раз.

— Забудь, что было тогда, — серьезно ответил всадник. — Начнем сначала. Ты же сам хотел, чтобы мы вновь встретились.

Мужчины отошли довольно далеко от гостиницы. Высокое, пронзительно синее небо и поросшие травой отроги гор везде были одни и те же. Над долиной висело неяркое осеннее солнце. Внезапно они остановились и с ног до головы смерили друг друга взглядом.

Всадник скинул на землю папаху и бурку и остался в дорожной черкеске, надетой поверх бешмета.

Они уже достали ножи, когда кабардинец попросил своего противника вложить в эту схватку все его мужество — как тогда, три года назад, когда тот убил его брата. Наездник впервые уловил нотки ненависти в голове противника.

Они сошлись — и острая, как бритва, черкесская сталь полоснула по щеке кабардинца.

Что говорила в этот день долина вечных гор? О чем она шептала, о чем плакала? Разве мы можем понять слова нашей матери, родной земли, такие же невыразимо тоскливые и непостижимые, как простодушные музыкальные лабиринты трехструнного пондара?

Из окна своей комнаты Шарип видел конец схватки. Незнакомец наносил удар за ударом, кабардинец отступал, потерял равновесие и в падении резким тычком достал-таки до груди противника. Нож на глазах укорачивался, входя в живое тело. Второй удар Шарип уже не разглядел.

Второй — решающий. Кабардинец стоя наблюдал за агонией лежащего противника, которому уже не суждено было подняться. Потом вытер нож, воткнув его несколько раз в плотный травяной дерн, и, не оборачиваясь, двинулся в сторону гор.

Пондар ему больше не нужен. Да и кто он сам теперь? Праведное ли дело он совершил, отомстив обидчику? Что ему теперь делать на этой земле после того, как он убил человека?

Шарип пошел на кухню выяснить, как вызвать полицию.

Наджия рыдала. Сквозь рыдания прорывались неизвестно кому адресованные вопросы: почему «они» все время убивают друг друга, почему «они» приходят именно сюда, к ее удаленной хьешце, почему это все должно происходить на глазах ее девочки, когда и кто положит этому конец?

***

До путешествия все спецы в один голос утверждали, что петля времени не дает точки сингулярности, в которой материальные объекты непременно должны были бы разрушиться. Факт налицо — путешественник во времени вернулся на двести лет назад и вроде сохранился. Вроде...

Он ощущал себя Шарипом. Но каким-то не совсем прежним Шарипом. Будто он спит и видит сон.

Может, это и есть сон? Ему надлежит понять, что заставляет людей браться за оружие, в первую очередь — за ножи, и как приостановить этот повторяющийся кровавый мираж. Обычай драться на ножах — этим гордились, этим бравировали — должен быть пресечен раз и навсегда, он не имел права уйти в будущее, и это было его, Шарипа, задание.

Ему захотелось посмотреть, как выглядел Старый-Юрт, что недалеко от города Нежный, двести лет назад.

В прошлом все выглядело совсем по-другому, но планировка родного села в ту эпоху, откуда он прилетел, в основном сохранилась — или, может, ее специально восстановили в более поздние времена? Он сидел в трактире на углу Горячеводской и Курганной. Пил с подполковником — вначале мятный чай, а потом и ячменный полугар местного производства. В манере русского офицера было что-то властное, он сам пригласил Шарипа за свой столик, и тот сразу согласился.

— Вы, молодой человек, обо мне знаете понаслышке, но я-то вас знаю. Я — Георгий Бичехаров. Покойный Николай Федорович Гикало рассказывал вам обо мне. Старик был со странностями, любил приврать. Не ради красного словца, развлечь людей было для него, как бы это сказать... в общем, хлебом не корми.

Нам обоим сейчас делать нечего, и я расскажу, что на самом деле было той самой ночью. Героями происшедшего были Ваха Дуев и Абдул-Меджид, племянник генерала Абу Чермоева. Вы, кстати, совсем не тот, за кого себя выдаете. Я далек от мысли, что вы турецкий или какой-то другой шпион, — короче, вы можете меня не опасаться. Не буду спорить, вы, конечно, похожи на вайнаха. Но какой-то вы совсем другой вайнах. Не такой, как надо. Будто не от мира сего. Вон и крепкие вина потребляете иногда, а ведь ислам запрещает. Многие думают, что вы вроде не настоящий. И речь русская без акцента. А все равно — не наша речь. Не знаю, для чего вы здесь и для кого собираете всякого рода сведения... Но хочу, чтобы вы знали правду, а не только одно лишь вранье.

Обоих уже нет в живых, свидетели же поклялись молчать. Я тоже со всей серьезностью десятилетнего

подростка торжественно присягал сохранить тайну поединка до конца дней своих. Не знаю, насколько остальные сдержали слово, но вот вам мой рассказ о том событии — по крайней мере, по прошествии столь многих лет я помню его именно так.

В тот вечер двоюродный брат взял меня отведать жаркого в Барятинском, в загородном доме своего друга, генерала Абу Чермоева.

Довольно долго мы ехали на поезде в раскаленном купе — когда же вошли в ворота поместья, выглянула луна. Все мне казалось здесь исконно-незыблемым, чуть ли не ветхозаветным: огромные, загадочные деревья, запах золотистого мяса и кизяка, повизгивание собак, охапки хвороста и огромный костер во дворе, объединивший таких разных мужчин — как по статусу, так и по вероисповеданию.

Гости — более десяти взрослых, все не старше тридцати. Бурки и бороды. Никто не обратил внимания на робкого юношу, все увлеченно говорили о какой-то ерунде — о лошадях, об автомобилях, о дорогих женщинах, о редких винах. Седло барашка, мастерски приготовленное слугами горского генерала, надолго заняло мужчин в огромной столовой.

Кто-то выступил с прочувствованным спичем, посвященным кавказским винам — сулакаури, саперави. Оратор сказал, что, согласно библейской легенде, Ной сошел на гору Арарат и первым делом посадил виноградную лозу, положив начало традиции виноделия на Кавказе.

Принесли гитару, и брат спел на русском песню абрека Урухана и несколько куплетов на осетинском о ножевой драке в заведении на улице Фирдаус. Потом пили кофе, курили сигары. Было уже слишком поздно, о возвращении домой не могло быть и речи. Я решил осмотреть

дом. Выпил без всякого удовольствия бокал шампанского и, когда уходил, слышал, как Ваха предложил Абдул-Меджиду партию в покер один на один. Все были против, Абдул-Меджид тоже не хотел, но Ваха почему-то настаивал на своем и настоял в конце концов.

Таинственно мерцали звезды высоко в горах...

Я заблудился в незнакомом и сумрачном особняке — в доме освещена была только столовая. Наконец на меня наткнулся хозяин. Не знаю, что заставило его сделать это, наверное, тщеславие коллекционера, но он подвел меня к застекленному шкафу. При свете лампы я увидел блеск ножей, побывавших во многих переделках. Хозяин открыл створки и рассказал мне историю каждого из них.

Место и время — разное, а результат всегда один. Я заинтересовался, нет ли среди них ножа Зелимхана Ахматукаева, слывшего в ту пору образцом абрека. Он ответил, что знает прославленный нож Зелимхана, этого клинка у него, к сожалению, нет. Но есть другой, не хуже, очень похожий на тот, с изогнутой крестовиной.

Внезапно мы услышали возбужденные голоса и крики. Хозяин мгновенно закрыл шкаф и бросился в сторону столовой, я — за ним.

Ваха вопил, что партнер жульничает. Он был заметно пьян, бранился — не выбирая слов, обидно и непристойно. Рослый Абдул-Меджид будто проснулся и небрежно толкнул хлипкого Ваху, тот упал и заорал, что вызывает обидчика на дуэль. Все смеялись, думая, что это шутка. Ваха встал и сказал как отрезал: «Драться, и немедленно!»

Звезды сорвались, как куры с насеста...

Не помню, кто открыл шкаф. Ваха Дуев выбрал клинок подлиннее, с изогнутой крестовиной, Абдул же взял не глядя нож с деревянной ручкой и резьбой в виде волка. «Выбрать лучший клинок, — сказал кто-то из

присутствующих, — вполне в характере Дуева, он предпочитает играть наверняка». Рука Вахи дрогнула, когда он брал нож. То же самое произошло на мгновение позже и с Абдулом, и многие это заметили.

Все вышли на улицу, в холодную, сырую ночь, никто еще не знал о том, что затевается, — в шутку это или всерьез. Я был не в себе — то ли от выпитого вина, то ли от запретного желания своими глазами увидеть поединок. Похоже, что остальные участники сцены тоже не осознавали происходящего — всю компанию опрокинуло неодолимым потоком и несло теперь к чему-то неотвратимому, что уже кем-то прописано и однозначно предопределено магическими письменами. Мы все не слишком-то верили обвинениям Вахи, считая, что дело в давней вражде семей, подогретой вином... Разве мусульманам разрешено спиртное?

Противники шли рядом и настороженно наблюдали друг за другом.

— Вот здесь и сойдемся, — негромко сказал Абдул-Меджид.

Кто-то пытался их остановить:

— Бросьте вы эти железные игрушки, давайте врукопашную!

Но бойцы уже схватились. Поначалу они двигались неловко — будто боялись пораниться, наносили удары неумело. Потом опасность преобразила обоих — это были уже не юноши, а зрелые мужи: Ваха спокоен, Абдул — равнодушен. Раньше я думал, что бой — это бешеное мелькание и скрежет стали. Нет, время будто остановилось, и я мог разглядеть каждый ход, будто это была неторопливая шахматная партия. Они подставляли ударам локти, и вскоре их рукава потемнели от крови. Бой был неравным, потому что нож Вахи был значительно длиннее. Генерал, хозяин дома, закричал:

— Да разнимите же их, эти мальчишки убьют друг друга! — но никто не двинулся с места.

Абдул-Меджид пытался сократить расстояние, чтобы достать противника. Он рванулся вперед, нож Вахи тем временем остался неподвижен и вошел в грудь Абдула. Тот вытянулся на траве и выдохнул:

— Как это странно, будто я сплю.

Больше он ничего не сказал, не шелохнулся, и глаза его остались открытыми. Ваха, казалось, не ожидал, что это может закончиться смертью.

Он плакал, как ребенок, и, склонившись над мертвым, умолял простить его. Будто все, что произошло, ужасное и бессмысленное, случилось помимо его желания. А я ведь желал, именно желал быть свидетелем, и вот я увидел, что хотел. Но смотреть на это было выше моих сил. Впоследствии поединок был представлен как благородная дуэль — на шпагах или на саблях, точно не знаю.

Прошли годы, и мне не раз хотелось довериться кому-то из друзей. Но гораздо заманчивее было молчать — владение тайной возвышает над повседневностью. Совсем недавно случайный разговор неожиданно подтолкнул меня нарушить тайну поединка. Отставной полицейский ротмистр рассказал мне о поножовщинах, постоянно происходивших в долине Терека. «Этот народ, — заметил он, — не гнушается ничем, лишь бы взять верх и одолеть противника. Драчуны от природы, удаль напоказ. Но до братьев Магомедовых и Даты Туташхия об открытых поединках здесь почти не слышали». Вот тогда-то я и рассказал ему, что был свидетелем одной из таких схваток двадцатилетней давности.

Ротмистр выслушал мой рассказ очень внимательно и спросил, уверен ли я в том, что Абдул и тот, второй,